

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2020 №1 (22)

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2020

Издание основано в 2007 г.

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционная коллегия:

С. А. Васютин, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия, Благовещенск)

А. А. Тишкин, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук (Россия, Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук (Россия, Кызыл)

М. М. Шахнович, доктор философских наук (Россия, Санкт-Петербург)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук (Россия, Томск)

А. Г. Ситдилов, доктор исторических наук (Россия, Казань)

Е. А. Шершнева (отв. секретарь), кандидат исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет журнала:

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Л. С. Марсадолов, доктор культурологии (Россия, Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор культурологии (Россия, Новосибирск)

А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия, Казань)

К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия, Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. С. Жанбасинова, доктор исторических наук (Казахстан, Усть-Каменогорск)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук (Кыргызстан, Бишкек)

Н. Цэдэв, кандидат педагогических наук (Монголия, Улан-Батор)

Ц. Степанов, доктор исторических наук (Болгария, София)

З. С. Самашев, доктор исторических наук (Казахстан, Астаны).

Журнал утвержден научно-техническим советом

Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ

по печати. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-69787 от 18.05.2017 г.

Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Журнал подготовлен при поддержке РНФ «Религия и власть: исторический опыт государственного регулирования деятельности религиозных общин в Западной Сибири и сопредельных районах Казахстана в XIX–XX вв.» (проект № 19-18-00023).

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2020 №1 (22)

NATIONS AND RELIGIONS OF THE EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2020

The journal was founded in 2007

Executive editor:

P.K. Dashkovskiy (doctor of historical sciences)

The editorial Board:

- S. A. Vasutin*, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)
N. L. Zhukovskay, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)
A. P. Zabayako, doctor of philosophical sciences (Russia, Blagoveshchensk)
A. A. Tishkin, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)
N. A. Tomilov, doctor of historical sciences (Russia, Omsk)
T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences (Russia, Saint-Petersburg)
O. M. Homushku, doctor of philosophical sciences (Russia, Kyzyl)
M. M. Shakhnovich, doctor of philosophical sciences (Russia, Saint-Petersburg)
L. I. Sherstova, doctor of historical sciences (Russia, Tomsk)
A. G. Sitdikov, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)
E. A. Shershneva (resp. secretary), candidate of historical sciences (Russia, Barnaul)

The journal editorial Board:

- L. N. Yarmolenko*, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)
U. A. Lusenko, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)
L. S. Marsadolov, doctor of Culturology (Russia, St. Petersburg)
G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor of cultural studies (Russia, Novosibirsk)
A. K. Pogassiy, doctor of philosophical sciences (Russia, Kazan)
K. A. Rudenko, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)
S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)
A. S. Zhanbosynov, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk)
N. I. Osmonova, candidate of philosophical sciences (Kyrgyzstan, Bishkek)
N. Cedeu, candidate of pedagogical sciences (Mongolia, Ulaanbaatar)
Ts. Stepanov, doctor of historical sciences (Bolgariy, Sofiy)
Z. S. Samashev, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Astana)

Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University. All rights reserved. No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher. Registered with the RF Committee on Printing. Registration certificate PI № ФС 77–69787. Registration date 18.05.2017.

The journal was prepared with the support of the RSF project “Religion and power: historical experience of state regulation of religious communities in Western Siberia and neighboring regions of Kazakhstan in the XIX–XX centuries” (project № 19-18-00023).

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

- Нуржанов А. А., Терновая Г. А.* Керамика с зооморфными и антропоморфными признаками с городища Кастек-17
- Мухамадеев А. Р.* Основы престолонаследия и династические браки в Жужаньском государстве29
- Дашковский П. К., Шершинева Е. А.* Результаты изучения кургана № 30 скифского времени на памятнике Чинета-II (Алтай)42
- Нарудцева Е. А., Радовский С. С., Серегин Н. Н.* Основные этапы археологических исследований Э. М. Медниковой на Алтае56

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Ауэзов Е. К., Крупко И. В.* Религиозная идентичность в казахской культуре: границы хронотопа.....69
- Чиркина Е. М.* Движение анастасийцев: этноконфессиональная характеристика (по материалам исследований в Новосибирской области)79

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Сериков Ю. Б.* К вопросу о функциональном и сакральном назначении подвесок с зубчатым краем.....89
- Адаева Г. А., Аубакиров Е. Н.* Пантеон богов в казахской мифологии107
- Гюль Т. И.* Образ верблюда в доисламском искусстве Средней Азии (культово-религиозный аспект)117

Раздел IV

ПЕРСОНАЛИИ

- Зиневич А. С., Марсадолов Л. С.* Познание и отражение мировоззрения древнего человека в творчестве художника и палеометролога В. И. Жалковского130

Раздел V

ИНФОРМАЦИЯ О КОНФЕРЕНЦИЯХ

- Дашковский П. К.* Десятая международная научная конференция «Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая»149

КАЛЕНДАРЬ НАУЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ155

ДЛЯ АВТОРОВ159

CONTENT

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Nurzhanov A. A., Ternovaya G. A.</i> Ceramics with zoomorphic and anthropomorphic features from Kastek-1 settlement	7
<i>Mukhamadeev A. R.</i> Dynastic marriages and basis of succession in Zhuzhan State	29
<i>Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A.</i> Results of the study of mound n 30 of the Scythian period on the Chineta-ii monument (Altai).....	42
<i>Narudtseva E. A., Radovsky S. S., Seregin N. N.</i> Main stages of E. M. Mednikova`S archaeological research in Altai	56

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Auezov E. K., Krupko I. V.</i> Religious identity in Kazakh culture: the limits of the chronotope	69
<i>Chirkina E. M.</i> The ethnoconfessional portrait of Anatasians by the materials from Novosibirsk oblast	79

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

<i>Serikov U. B.</i> To the question of functional and sakred purpose of pendants with serrated edge	89
<i>Adayeva G. A., Aubakirov Y. N.</i> Pantheon of gods in Kazakh mythology.....	107
<i>Gyul T. I.</i> The image of a camel in Pre-Islamic art of Transoxiana (cultural and religious aspect)	117

Section IV

PERSONALITIES

<i>Zinevych A. S., Marsadolov L. S.</i> The cognition and the reflection of the worldview of ancient human in the works of the artist and paleometrologist V. I. Zhalkovskii.....	130
---	-----

Section V

INFORMATION ABOUT CONFERENCES

<i>Dashkovskiy P. K.</i> The tenth international scientific conference “Ancient Cultures of Mongolia and Baikal Siberia and Northern China”	149
---	-----

CALENDAR OF SCIENTIFIC EVENTS	155
--	-----

INFORMATION ABOUT AUTHORS	159
--	-----

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 008

DOI: 10.14258/nneur(2020)1-05

Е. К. Ауэзов, И. В. Крупко

Центр сближения культур под эгидой ЮНЕСКО, Алматы (Казахстан)

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КАЗАХСКОЙ КУЛЬТУРЕ: ГРАНИЦЫ ХРОНОТОПА

Исследуются некоторые структурные характеристики религиозной идентичности и хронотоп традиционной казахской культуры как одна из базовых, организующих моделей семиосферы сакрального. Для кросс-культурного расширения и верификации исследования привлечены не только нарративные, письменные и этнографические источники, но и данные археологии. В настоящей работе показано, как традиционная казахская культура кодирует пространство, время и действие. Для доказательства существования хронотопа не только как аналитической категории нашего исследования, но как реального жизненного контекста, успешно функционирующего в традиционной культуре, в статье приведен пример выхода за границы хронотопа и последствия этого выхода для нарушивших «законы жанра». Таким образом, магия символа традиционной (в нашем случае казахской) культуры существует в границах хронотопа, воплощаясь не только в телесных кодах, обрядах и моделях поведения, но и кодирует пространство: архитектуру, артефакты и окружающие их символические действия (в качестве доказательства кросс-культурной универсальности этих архетипических моделей приведены археологические примеры из средневекового прошлого оседлых культур на территории Казахстана). Религиозная идентичность в казахской культуре представляет собой сложный, многослойный, ситуативный этнометафизический континуум уникального и универсального.

Ключевые слова: религии, традиционная казахская культура, хронотоп, ритуальные практики, археология.

E. K. Auezov, I. V. Krupko

Centre for the Rapprochement of cultures under the auspices of UNESCO, Almaty (Kazakhstan)

RELIGIOUS IDENTITY IN KAZAKH CULTURE: THE LIMITS OF THE CHRONOTOPE

The article explores some structural characteristics of religious identity and the chronotope of traditional Kazakh culture as one of the basic organizing models of the sacred semiosphere. For cross-cultural expansion and verification of the research, not only narrative, written and ethnographic sources were used, but also archeological data. This paper shows how traditional Kazakh culture encodes space, time, and action. To prove the existence of the chronotope, not only as an analytical category of our study, but as a real life context that successfully functions in traditional culture, the article gives an example of going beyond the boundaries of the chronotope and the consequences of this exit for violating the «laws of the genre». Thus, the magic of the symbol of traditional (in our case, Kazakh) culture exists within the boundaries of the chronotope, embodied not only in body codes, rites and models of behavior, but also encodes space: architecture, artifacts and the symbolic actions surrounding them (as evidence of cross-cultural the universality of these archetypal models, we have given archaeological examples from the medieval past of settled cultures in Kazakhstan). Religious identity in Kazakh culture is a complex, multi-layered, situational ethnomethaphysical continuum of a unique and universal.

Keywords: religions, traditional Kazakh culture, chronotope, ritual practices, archeology.

Ауэзов Ербулат Кудриянович, главный научный сотрудник Центра сближения культур под эгидой ЮНЕСКО, Алматы (Казахстан). Адрес для контактов: info-crc.kz@mail.ru.

Auezov Erbulat Kudrianovich, Chief researcher of the Centre for the Rapprochement of cultures under auspices of UNESCO. Contact address: info-crc.kz@mail.ru.

Крупко Игорь Владимирович, PhD, докторант КазНПУ имени Абая, научный сотрудник Центра сближения культур под эгидой ЮНЕСКО, Алматы (Казахстан). Адрес для контактов: tengri95hismatulin@mail.ru

Krupko Igor Vladimirovich, doctoral student of Abai KazNPU, researcher at the Centre for the Rapprochement of cultures under the auspices of UNESCO, Almaty (Kazakhstan). Contact address: tengri95hismatulin@mail.ru

Хронотоп традиционной культуры существует в космологичной гармонии природы и социума, проецируя свои иерархии на окружающее пространство и определяя человеческие отношения. Сфера сакрального в традиционной культуре четко систематизирована и регламентирована в пространственно-временном отношении к событию, где каждая его деталь семантически функциональна. В попытках раз-

глядеть и проникнуть в семиосферу сакрального в казахской культуре мы неизбежно сталкиваемся с проблемой аутентичности, пульсирующей под несколькими слоями социальной памяти в сложном переплетении гибридного, колониального и самобытного. В кривых зеркалах политики памяти традиционная культура узнает себя благодаря колониальному анамнезу и после обретения независимости заимствует структуры, зеркально перекодируя смыслы и обращая их против культуры-гегемона [Ионов, 2009: 47]. Однако на следующем этапе деколонизации оптика исследования смещается с легитимации автохтонности/древности/государственности/травмы, а в дискурсивном поле открывается возможность понимания аутентичного.

Концепт «хронотоп», введенный в литературоведение и культурную антропологию М. Бахтиным и означающий «пространственно-временной континуум» культуры, горизонт событий, жизненный контекст, со временем разросся до парадигмы социогуманитарных наук: «..существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе, мы будем называть *хронотопом* (что значит в дословном переводе — «время-пространство»). Термин этот употребляется в математическом естествознании и был введен и обоснован на почве теории относительности (Эйнштейна) ... нам важно выражение в нем неразрывности пространства и времени (время как четвертое измерение пространства). Хронотоп мы понимаем как формально-содержательную категорию литературы (мы не касаемся здесь хронотопа в других сферах культуры)..» [Бахтин, 1975: 234–407]. Развивая это концептуальное наследие М. Бахтина и возможности, открытые им, мы предлагаем использовать «хронотоп» как объясняющую модель сюжетного пространства-времени в историко-антропологическом исследовании сакральных практик казахской культуры, проводимом в настоящей работе, и показать, как хронотоп определяет восприятие событий и диктует модели поведения.

Чтобы доказать существование хронотопа не только как аналитической категории нашего исследования, но как реального жизненного контекста, успешно функционирующего в традиционной культуре, мы приведем пример выхода за границы хронотопа и последствия этого выхода для нарушивших «законы жанра».

В качестве примера используем логику народного ислама XVIII–XIX вв., ставшего важным элементом культурной идентичности казахов. Будучи импортированной из арабского мира, исламская религия распространилась по территории современного Казахстана, органично сливаясь с локальными верованиями и культурами, образуя синкретическую систему взаимодействия мусульманских символов и аутентичных магических практик. Однако иногда при наложении двух символических полей — исламского и аутентичного (символического поля «народной религии») — возникала зона несовпадения двух культур и их конфликт. В настоящей работе нас интересует только один пример этого конфликта, причиной которого был выход за границы хронотопа традиционной казахской культуры (магического контекста) исламских религиозных агентов, действовавших по сценарию религии, проводниками которой они были.

1. «..нередко случается (я сам однажды имел возможность это наблюдать), что читающему Коран гостю-татарину предлагают покинуть юрту, так как в ней нет покойников и хозяин опасается, как бы чтение Корана не вы-

звало пагубные последствия. Бормоча проклятия, правоверный с искаженным презрением и насмешкой лицом вышел из юрты, уселся шагах в пятидесяти от нее и там продолжал чтение» [Радлов, 1989: 329].

2. «Киргизы тогда верили, что если во время лета наступят продолжительные дожди, а зимой — постоянные бураны, то это происходит от постоянного чтения муллами Корана, по поверию их, т. е. народа, через то заряжается воздух. В одно время, зимою, когда Шуршала-мулда читал по умершим Коран, то чуть не подвергся пытке и сожжению» [Казахские чиновники на службе Российской империи, 2014: 307].

Примеры эти далеко не единичны и подтверждаются фольклорными материалами. Известны попытки объяснения распространенности таких случаев. Например Е. Бекмаханов цитирует этот источник как доказательство слабого влияния ислама в регионе, объясняет это сохранившимся институтом «баксы», т. е. невытесненностью исламскими служителями казахских шаманов, продолжающих занимать ключевые позиции на религиозном поле [Бекмаханов, 1947: 390]. Однако, на наш взгляд, дело не ограничивается только этим.

Приведенные примеры иллюстрируют базовую специфику народной религии (в данном случае «народного ислама»), главная функция которой — оформление отношений человека и реальности в точках наиболее интенсивного экзистенциального напряжения (рождение, смерть, свадьба, лечение больного и т. д.). Не менее важным является управление календарными обрядами, воспроизводящими космические циклы и поддерживающими порядок во вселенной мифологического мышления, а также различными магическими практиками, направленными на помощь индивиду и коллективу в повседневности (вызов дождя — «тасаттық», скапуломантия и т. п.). Все эти функции разделены между разными категориями служителей культа, магов, гадалек, проводников сакрального и других, отвечающих за разные сферы реальности.

С распространением ислама на территории Казахстана (VIII–XIX вв.) часть этих функций берут на себя агенты мусульманской религии. Однако зона конфликта возникает, когда проводник сакрального (мулла), действия которого должны в соответствии с мифопоэзисом народной религии активизироваться только в случае чьей-либо смерти, рождения, потребности изменить погоду и подобного, выходит за пределы своих функций и продолжает действовать вне хронотопа сакрального. Немедленной реакцией традиционной культуры на это является отторжение и вытеснение подобного несовпадения как опасной возможности возникновения ситуации (хронотопа), когда, к примеру, читать молитву по умершему действительно понадобится. Иногда контекст не так насыщен метафизикой, и люди просто иронично воспринимают служителей культа, превысивших свои магические полномочия:

«Самые муллы, посылаемые в степь по делам народным, не смеют действительно им показать важность сего полезного и благотворительного учреждения, ибо, когда сии наскучат своим нравоучением, то плети и презрение соделаются неминуемою за сие наградою» [Гавердовский, 2005: 202].

«Какое представление о святости религии и Корана имеют киргизы, иллюстрирует лучше всего следующий случай, который произошел в Акмолин-

ской губернии. Один киргиз, которого обвинили в краже скота, должен был поклясться перед судом, что у мусульман происходит так, что они, приложившись лбом, целуют его. И когда призванный для приведения его к клятве мулла протянул ему Коран, тот, будучи явно в плохом настроении, схватил Коран, стал бить им по ушам священнослужителя до тех пор, пока Коран не превратился в клочья. В наказание за кощунственное осквернение свято-сти Корана, оскорбление муллы и судебной палаты он был приговорен к покупке мулле нового Корана» [Шварц, 2006: 180].

В исторической памяти казахстанского общества религиозная идентичность связывается в первую очередь с исламом, выполняя этнодифференцирующую функцию, несмотря на то, что религии откровения («религии книги», авраамические религии) принципиально отличаются от традиционных открытостью к своим потенциальным адептам из любой этнической группы. Однако чаще всего в широких массах ислам фигурирует как неотъемлемая часть культурного, символического, а иногда и политического капитала, являясь важным элементом этнонациональной идентичности. При этом забывается, что институционализация ислама на территории Казахстана произошла не в последнюю очередь благодаря религиозной политике Российской империи, воплотившей сценарий «этнографического зеркала», когда с целью налаживания отношений со степной элитой империей осуществлялось строительство мечетей, мектебов, медресе, назначение мулл и других религиозных служителей (из татар — наиболее лояльных своих проводников, как тогда казалось имперской администрации) — и, в конечном счете, населению Степи был предъявлен убедительный образ религиозной идентичности, ставшей со временем восприниматься как аутентичность.

Однако первоначально ислам проник на территорию Казахстана в VIII в. вместе с волнами арабской экспансии. Средневековье здесь было отмечено строительством культовых сооружений и мемориальных комплексов, архитектура которых представляла собой синкретическую модель как местных, так и импортированных традиций. Среди погребальных сооружений и ритуально-мемориальных комплексов также часто встречаются образцы синкретизма, воплощенные в материальной культуре населения этого региона. Несмотря на материальное воплощение, ислам как система религиозных идей, канонов, символов, табу и моделей поведения распространилась в широкие массы, не проникнув туда на догматическом уровне, слившись с «народными религиями», местными верованиями, системами смыслов и практик, образуя «народный ислам». Механизмы и алгоритмы мышления, актуализировавшие народное взаимодействие с исламом, работали и работают по законам фольклорного мышления, не говоря уже о том, что и в самом догматическом исламе вполне легитимно существуют и действуют персонажи семитской демонологии. Дискурс казахстанской историографии (характерный для постсоветского региона сценарий), говоря о религиях на территории Казахстана, также допускает анахронизм, опрокидывая в прошлое модель описания современного «толерантного» постсекулярного общества, утверждая, что с древности здесь сосуществовали миролюбивые религии, дополняя и взаимообогащая друг друга.

Разумеется, это утверждение вызывает много вопросов. Во-первых, религия как учение или сформировавшаяся цельная система идей с собственной космологией, теого-

нией, социальной моделью, нормативным каноном и подобного по определению не может не отрицать все другие модели, противоречащие ей хоть немного, иначе ее границы будут размыты и утратится контроль над собственными адептами: почему они должны выбирать именно эту религию, если все религии хороши? Во-вторых, утверждения типа «все религии призывают к миру и добру» расходятся с эмпирическим материалом исторической науки в диаметрально противоположные стороны. Однако генезис подобного рода утверждений понятен: это типичный образчик интеллигентского дискурса о религии, воспитанный в секулярном (или в атеистическом) обществе, где религия не играет той роли, что была у нее в традиционной культуре, а значит, открыто поле интерпретаций, когда интеллигент может насыщать понятия «религиозность» или «духовность» собственными, вполне светскими смыслами.

И если в постсекулярной культуре эпохи модерна, на онтологическом уровне пропущившей мимо летный период секулярности, религия является монополистом на рынке добродетелей, значит, необходимо кратко описать генезис подобной монополизации как универсального явления. В архаических обществах религия (ее ранние формы, мифопоэтические представления, магический праксис) является способом диалога с окружающей реальностью с вполне прагматической целью выживания и благополучия (успех на охоте, излечение болезни, благополучные роды, обряды плодородия, поддержание миро (мифо) порядка с помощью календарных обрядов). С этой целью генерируются символические системы и системы табу, выстроенные в соответствии с мифологией, базовыми законами восприятия и потребностями человеческой психики, помогающие человеку в точках наиболее интенсивного экзистенциального напряжения и создающие иллюзию поддержки извне. Таким образом, архаические религиозные системы управляют человеческими судьбами, апеллируя к естественному порядку вселенной архаического микро- и макрокосмоса, а не к абстрактному нормативному канону, потому что «так надо, потому что хорошо или плохо». Это продолжается до тех пор, пока аппарат служителей культа не срачивается с формирующимся государством, использующим религиозную монополию на знание и управление реальностью, со временем эволюционируя в регулятора моральной жизни общины.

Таким образом, говоря о хронотопе сакрального в казахском обществе, мы имеем дело с текстом культуры и контекстом, определяющим возможность существования первого.

Не менее интересным является воплощение хронотопа сакрального не только в телесных практиках и описанных нами поведенческих моделях, но и в архитектуре средневекового города. В качестве примера мы приведем трехступенчатый алтарь, открытый на территории средневекового города Кастек в сезоне археологических раскопок 2018 г. при участии одного из авторов настоящей статьи. Отметим, что археологические данные используются здесь как доказательство существования хронотопа, несмотря на разницу в эпохах и типах культур.

В глиняном трехступенчатом алтаре из средневекового города Кастек воплощается трехуровневая модель мира. «Нижний мир» в архитектуре алтаря ассоциирован с наполненным очагом, «средний» и «верхний» миры — две ступени жертвенника. В данном случае архитектура является текстом культуры, прочесть который могут ее адеп-

ты. Знаковая система, закодированная в устройстве этого алтаря, диктуется не только его архитектурой, но и функциональностью. Исходя из устройства жертвенника-алтаря можно предположить, что он использовался для воскурений. Несколькими годами ранее возле аналогичного алтаря был найден керамический сосуд с семенами конопли. Археологические исследования последних лет подтверждают именно эту функцию аналогичных алтарей (на Памире и в Индостане, встречаются также в Южной Сибири — Туве, Минусинской и Кузнецкой котловинах, в Семиречье [Нуржанов, Терновая, 2014; 2018: 85–96]) и психостимулирующих растений.

Таким образом, мы видим, что алтарь воплощает свою сакральную функцию портала в другие миры не только архитектурно (три ступени мироздания), но и с помощью психоактивных растений, воскуряя которые служители культа становились психопомпами и проводниками в сферы сакрального. Вместе физическое пространство алтаря и окружающая его система спиритических практик активизируют хронотоп сакрального в единстве места и действия.

В задачи настоящей статьи входит введение в культурную антропологию Казахстана концепта — «*обратная зеркальность инобытия*», позволяющего понять знаковую систему, действующую в телесных практиках/кодах в сфере сакрального и воплощенную в артефактах материальной культуры. Концепт помогает понять ту часть семиосферы сакрального в казахской культуре, которая так или иначе связана с лиминальными состояниями перехода, когда актер балансирует между мирами.

Главными субъектами/объектами лиминальности в традиционной казахской культуре были невеста, баксы (шаман) и покойный, соответствующие трем переходным состояниям: смены социального статуса и рождения в новой семье в качестве новой дочери, психопомпа и смерти. И если баксы является субъектом, то невеста и покойный существуют в семиосфере сакрального как объекты воздействия лиминальных обрядов. Иной мир воспринимается как зеркально противоположный, и в соответствии с этим традиционная культура выстраивает свои ритуалы. Во время свадебных мероприятий девушка окружалась целой системой знаков, символизирующих ее переходное состояние: закрытие лица, песни «сынсу», по трагической тональности сходные с «жоқтау» (в их функции входит статусная коррекция личности келін: символическая смерть в прежней семье и новое рождение в статусе замужней женщины) и ключевая в этом контексте метафора культуры — зафиксированное некоторыми этнографами в XX в. общение через зеркало с ней как с существом из иного мира. Аналогичные практики окружают и покойного на границе инобытия (характерно использование в качестве погребального инвентаря айбалты — топора, заменяющего покойному камчу).

Еще одним археологическим артефактом, воплощающим обратную зеркальность инобытия в материи, является сосуд X в. (эпоха Караханидов) из средневекового городища Кастек. Его конструкция предполагает свое использование не в качестве предмета быта, но как ритуальный артефакт инобытия: герметичный изнутри слив сделан у ручки. Предположительно, этот сосуд использовался в ритуальных практиках взаимодействия со сферой сакрального (обряды, контакты с духами, магические практики). Сосуд представляет собой семиотический код, характерный для всего, что сообщ-

щается с «иными мирами», где все становится зеркально обратным (разбитая в погребении ритуальная чаша восстанавливается, покойный сидит на быке задом наперед, с невестой во время свадебных обрядов общаются через ее отражение в зеркале и т. д.).

Таким образом, магия символа традиционной (в нашем случае казахской) культуры существует в границах хронотопа, воплощаясь не только в телесных кодах, обрядах и моделях поведения, но и кодирует пространство: архитектуру, артефакты и окружающие их символические действия (в качестве доказательства кросс-культурной универсальности этих архетипических моделей мы привели археологические примеры из средневекового прошлого оседлых культур на территории Казахстана). Религиозная идентичность в казахской культуре представляет собой сложный, многослойный, ситуативный этнометафизический континуум уникального и универсального.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках проекта «Разработка концепции и создание музейной экспозиции «Культура и религия на Великом Шелковом пути»», ИРН: BR0644948.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. М. : Худож. лит., 1975. С. 234–407.

Бекмаханов Е. Казахстан в 20–40-е годы XIX века. Алма-Ата : Казахское объединённое гос. изд-во, 1947. 390 с.

Гавердовский Я. П. «Прибавление к дневным запискам доктора 7-го класса Большого» // История Казахстана в русских источниках : в 12 т. Алматы : Дайк-пресс, 2005.

Геннеп А. Обряды перехода. М. : Восточная литература, 1999. 198 с.

Геродот. История в девяти книгах / перевод и прим. Г. А. Стратановского. Л. : Наука, 1972. 600 с.

Ионов И. Н. Новая глобальная история и постколониальный дискурс // История и современность, 2009. № 2. С. 47.

Казахские чиновники на службе Российской империи: сборник документов и материалов. Алматы : Қазақ университеті, 2014. 418 с.

Мустафина Р. М. Представления, культы, обряды у казахов. Алма-Ата : Қазақ университеті, 1992. 176 с.

Нуржанов А. А. Повседневность средневекового городища Кастек в сакральных артефактах // Маргулановские чтения — 2018 : материалы Международной научно-практической конференции / Актюбинский региональный государственный университет им. К. Жубанова. 13 апреля 2018 г. Актюбе, 2018. С. 85–96.

Нуржанов А. А., Терновая Г. А. К вопросу об обрядовой практике жителей Жетысу (Семиречья) в VIII–IX вв. // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань : Отечество, 2014. С. 312–316.

Радлов В. В. Из Сибири. Страницы дневника: пер. с нем. / прим. и послесл. С. И. Вайнштейна. М. : Наука, 1989. 749 с.

Руденко С. И. Горноалтайские находки и скифы // Итоги и проблемы современной науки. М. ; Л., 1952. 268 с.

Тернер В. Символ и Ритуал. М. : Наука, 1983. 277 с.

Толеубаев А. Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов: (XIX — нач. XX в.). Алма-Ата : Гылым, 1991. 213 с.

Шварц Ф. Туркестан — ветка индогерманских народов // История Казахстана в западных источниках : в 12 т. Алматы, 2006. Т. 5. С. 175–238.

REFERENCES

Bakhtin M. M. *Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoi poetike* [Forms of time and chronotope in the novel. Essays on Historical Poetics]. *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of literature and aesthetics]. M.: Khudozh. lit., 1975. S. 234–407 (in Russian).

Bekmakhanov E. *Kazakhstan v 20–40-e gody XIX veka* [Kazakhstan in the 20–40s of the XIX century]. Alma-Ata. Kazakhskoe obyedinennoe Gosudarstvennoe izdatel'stvo [Kazakh United State Publishing House]. 1947. 390 s. (in Russian).

Gavardovskii I.A.P. *Pribavlenie k dnevnym zapiskam doktora 7-go klassa Bol'shogo* [Adding to the daily notes of the doctor of the 7th grade of the Grand Horde]. *Istoriia Kazakhstana v russkikh istochnikakh v 12 tomakh*. Almaty: Daik-press, 2005 (in Russian).

Genep A. *Obriady perekhoda* [Rites of passage]. M.: Vostochnaia literatura, 1999. 198 s. (in Russian).

Gerodot. *Istoriia v devyati knigakh* [The Histories]. Perevod i primech. G. A. Stratanovskogo. 4 kn. L.: Nauka [Science], 1972. 600 s. (in Russian)

Ionov I. N. *Novaia global'naia istoriia i postkolonial'nyi diskurs* [New global history and postcolonial discourse]. *Istoriia i sovremennost'* [History and Modernity], 2009. № 2. S. 47 (in Russian).

Kazakhskie chinovniki na sluzhbe Rossiiskoi imperii: sbornik dokumentov i materialov [Kazakh officials in the service of the Russian Empire: a collection of documents and materials]. Almaty: Kazakh universiteti, 2014. 418 s. (in Russian).

Mustafina R. M. *Predstavleniia, kul'ty, obriady u kazakhov* [Representations, cults, rites of the Kazakhs] Alma-Ata: Kazak universiteti, 1992. 176 s. (in Russian).

Nurzhanov A. A. *Povsednevnost' srednevekovogo gorodishcha Kastek v sakral'nykh artefaktakh* [The everyday life of the medieval Kastek in sacred artifacts]. *Margulanovskie chteniia — 2018: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Margulan Readings — 2018: Materials of the international scientific-practical conference]. Aktiubinskii regional'nyi gosudarstvennyi universitet im. K. Zhubanova. Aktobe, 2018. S. 85–96 (in Russian).

Nurzhanov A. A., Ternovaya G. A. *K voprosu ob obriadovoi praktike zhitelei Zhetysu (Semirech'ia) v VIII–IX vv.* [On the ritual practice of the inhabitants of Zhetysu (Semirechye) in the VIII–IX centuries.]. *Trudy IV Vserossiyskogo arkheologicheskogo syezda v Kazani* [Proceedings of the “IV” of the XX All-Russian Archaeological Congress in Kazan]. Kazan: Otechestvo. 2014. S. 312–316 (in Russian).

Radlov V. V. *Iz Sibiri. Stranitsy dnevnika* [From Siberia. Diary pages]. Per. s nem. Primech. i poslesl. S. I. Vainshteina. M.: Nauka, 1989. 749 s. (in Russian).

Rudenko S. I. *Gornoaltaiskie nakhodki i skify* [Altai finds and Scythians]. *Itogi i problemy sovremennoi nauki* [Results and problems of modern science]. M.; L., 1952. 268 s. (in Russian).

Terner V. *Simvol i Ritual* [Symbol and Rite]. M.: Nauka, 1983. 277 s. (in Russian).

Toleubaev A. T. Relikty doislamskikh verovaniy v semeinoi obriadnosti kazakhov: (XIX — nach. XX v.) [Relics of pre-Islamic beliefs in the Kazakh family ritual: XIX — beg. XX cc.]. Alma-Ata: Gylym, 1991. 213 s. (in Russian).

Shvarts F. Turkestan — vetka indogermanskikh narodov [Turkestan — a branch of the Indo-German peoples]. *Istoria Kazakhstana v zapadnykh istochnikah v 12 tomakh* [History of Kazakhstan in Western sources in 12 volumes]. Almaty, 2006. S. 175–238 (in Russian).

Цитирование статьи:

Ауэзов Е. К., Крупко И. В. Религиозная идентичность в казахской культуре: границы хронотопа // Народы и религии Евразии. 2020. № 1 (22). С. 69–78.

Citation:

Auezov E. K., Krupko I. V. Religious identity in Kazakh culture: the limits of the chronotope. Nations and religions of Eurasia. 2020. № 1 (22). P. 69–78.
